

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 811.16

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОСЕССИВНОЙ БЫТЬ-КОНСТРУКЦИИ «У + РОД. ПАДЕЖ СУБЪЕКТА ОБЛАДАНИЯ» В РАЗНЫХ СПИСКАХ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

© 2014 г.

А.В. Калистратова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ortika@mail.ru

Поступила в редакцию 27.09.2013

Анализируются структура и функционирование предикативных посессивных БЫТЬ-конструкций в разных списках «Повести временных лет» (Лаврентьевская летопись, Радзивилловская летопись, Троицкая летопись, рукопись Московской духовной академии). Выявляются особенности употребления БЫТЬ-конструкций в анализируемом памятнике.

Ключевые слова: категория посессивности, посессивные отношения, БЫТЬ-конструкция, ИМЕТЬ-конструкция, древнерусский язык, «Повесть временных лет».

Вопрос о сущности такого понятия, как «обладание» издавна привлекал внимание исследователей различных областей научного знания – историков, философов, психологов, лингвистов. Неоднократно отмечалось, что категория посессивности является универсальной категорией человеческого мышления [1, с. 201; 2, 251;]. Категория посессивности находит отражение в любом языке и, как правило, имеет широкий и разнообразный спектр средств языкового выражения. Среди лексических и синтаксических способов выражения посессивных отношений особое место занимают предикативные посессивные конструкции с глаголами *быть* и *иметь*. Традиционно считается, что в русском языке наиболее типичным и часто встречающимся способом языкового выражения категории посессивности является конструкция «у + род. падеж субъекта обладания». По этому признаку русский язык относят к группе так называемых *esse-языков* в противоположность *havege-языкам*, в которых посессивные отношения выражаются конструкцией с глаголом «иметь» и винительным падежом объекта обладания (ср. русск. **У меня есть дочь** и чеш. **mám dceru**). Однако многие исследователи обращали внимание на то, что русский язык нельзя назвать *esse-языком* в чистом виде, потому что ему известны и конструкции с глаголом «иметь» [1, с. 202]. Последние, как правило, используются в книжном стиле речи, в составе

фразеологических оборотов. Актуальным представляется вопрос о структуре и функционировании БЫТЬ- и ИМЕТЬ-конструкций в письменной речи на разных этапах истории русского языка.

Настоящая статья посвящена анализу функционирования предикативной посессивной БЫТЬ-конструкции «у + род. падеж субъекта обладания» в «Повести временных лет». Особый интерес представляет употребление БЫТЬ-конструкций в разных списках «Повести временных лет». Нами был проведён сравнительный анализ четырёх списков памятника по Лаврентьевской, Радзивилловской и Троицкой летописям и рукописи Московской духовной академии.

Анализ посессивных предикативных конструкций осложняется неоднородностью посессивных отношений, выражаемых этими конструкциями. В лингвистике нет единого взгляда на то, какие денотативные ситуации, а следовательно, и соответствующие им языковые структуры можно называть посессивными. Принято выделять узкую и широкую трактовку посессивности [1, с. 202; 3, с. 577; 4, с. 100]. В целом интерпретация посессивных отношений зависит от понимания двух основных участников этих отношений – субъекта и объекта посессии. Так, одни лингвисты считают, что субъектом посессивных отношений может быть только человек. Другие, менее жесткие концепции указывают на

то, что **прототипически** субъект посессии должен быть одушевлённым. Третьи включают в число возможных субъектов посессии неодушевлённые предметы [3, с. 578; 5, с. 2].

Трактовки объектов посессии также могут быть различны. В самом узком понимании это только предметы реальной действительности. Субъект посессии в таком случае – человек, а посессивные отношения сводятся к отношениям собственности. Некоторые лингвисты добавляют к возможным объектам посессии одушевлённые существительные, имеющие с субъектом (тоже одушевлённым) различного рода связи. В перечень объектов посессии могут также включаться части целого – субъекта [5, с. 2]. Наконец, при наиболее широком понимании в число объектов посессии попадают не только имена существительные, обозначающие предмет или лицо, но и обозначения событий, происходящих с субъектом, его качеств, а также другие имена существительные с различной абстрактной семантикой [1, с. 203; 3, с. 578].

Нам представляются достаточно обоснованными высказывания в пользу широкого понимания посессивных отношений [1, с. 203; 3, с. 578]. Так, О.Н. Селиверстова отмечает, что «использование во многих языках одного формального средства для обозначения и отношения собственности, и отношения части к целому, и отношения продукта к его производителю и т. д. не может быть случайным. Оно говорит о том, что все эти отношения семантически близки» [3, с. 578]. При этом представляется важным, особенно для исторического исследования, создание классификации предикативных посессивных конструкций в русском и древнерусском языках по разным параметрам – в зависимости от типа предиката, субъекта и объекта.

I. По типу предиката предикативные посессивные конструкции, как уже указывалось, делятся на ИМЕТЬ-конструкции и БЫТЬ-конструкции. Причём для древнерусского языка среди БЫТЬ-конструкций можно выделить два подтипа: с родительным принадлежности с предлогом *у* и дательным принадлежности без предлога.

II. По типу субъекта посессии можно выделить следующие виды посессивных конструкций:

1. Конструкции с одушевлёнными субъектами;
2. Конструкции с неодушевлёнными субъектами;

III. По типу объект посессии:

1. Конструкции с одушевлёнными объектами;

2. Конструкции с неодушевлёнными объектами, среди которых можно отметить следующие виды объектов:

- Объект – предмет реальной действительности;
- Объект – составная часть субъекта;
- Объект – явление реальной действительности;
- Объект – абстрактное понятие;
- Объект – качество.

Заметим, что приведённые виды объектов не являются вполне изолированными и независимыми друг от друга. Могут встречаться смешанные, переходные, а также осложнённые случаи. Так, например, в предложении *у неё голубые глаза* объект посиденции (*глаза*) представляет собой так называемую неотторжимую часть субъекта, но при этом он распространяется качественной характеристикой (*голубые*), становясь, таким образом, качеством субъекта. В целом такие случаи, когда предложение с предикативной посессивной конструкцией осложняется различными распространителями (определениями объекта, обстоятельствами места или времени) чешский лингвист Р. Мразек назвал «семиопосиденцией» [8, с. 44]. В таких предложениях, отмечает исследователь, момент обладания ослабляется, на первый план выходит качественная характеристика субъекта или локализация в пространстве или времени. При этом осложняться может как одушевлённый, так и неодушевлённый объект.

Вышеперечисленные классификации необходимо учитывать при исследовании развития предикативных посессивных конструкций. Подобный анализ не только даст ценный материал для изучения структуры и особенностей функционирования предикативных посессивных конструкций, но поможет выявить и специфические черты посессивности как базового понятия языковой картины мира на разных этапах истории русского языка.

При анализе текста «Повести временных лет» нами было выделено 159 предикативных посессивных конструкций. 80% (127 случаев) из них приходится на ИМЕТЬ-конструкции, 20% (32 случая) – на БЫТЬ-конструкции. Получается, что по сравнению с современным русским языком в изучаемом древнерусском тексте для передачи посессивных отношений намного чаще используются ИМЕТЬ-конструкции. Что касается БЫТЬ-конструкций, то большинство из них представляет собой БЫТЬ-конструкции с предлогом *у* и родительным падежом субъекта обладания (28 случаев): *и не вѣ оу нихъ брашна*

оуже и бѣ глѣдъ великъ [6, с. 73]. Однако были также отмечены 4 случая употребления посессивных БЫТЬ-конструкций с дательным принадлежности: **а ѡзыкѣ словенскіи [бысть имѣ]** един [6, с. 29]; и **Ѡ господа мьзда имѣ есть и строенье Ѡ вышнаго** [6, с. 69]; и **видѣ тѣ люди сѣщага какъ есть вбычан имѣ** [6, с. 8].

Последний случай заслуживает особого внимания, так как разные списки «Повести временных лет» расходятся в этом месте: 1) и **видѣ тѣ люди сѣщага какъ есть вбычан имѣ** (Лаврентьевский список); 2) и **видѣ тѣ люди сѣщага какъ есть ѹ нихъ вбычан** (Троицкий список); 3) и **видѣ тѣ люди сѣщага какъ ихъ вбычан** (Радзивиловский список, рукопись Московской духовной академии, Ипатьевская летопись). Для передачи одной и той же посессивной ситуации в памятниках используются разные типы БЫТЬ-конструкций. В Лаврентьевском списке употреблен дательный принадлежности. В Радзивиловской и Ипатьевской летописях, рукописи Московской духовной академии посессивные отношения передаются притяжательным местоимением. И только в Троицком списке отмечается конструкция «у + род. падеж субъекта обладания». Дательный принадлежности не сохранился в русском языке. Притяжательные местоимения и конструкция «у + род. падеж субъекта» одинаково частотны в современной письменной и устной коммуникации, но они имеют некоторые семантические и функциональные различия. Особенностью конструкция «у + род. падеж субъекта» является то, что в ней кроме значения принадлежности кому-либо есть значение пребывания у кого-либо. В.И. Собианникова отмечает, что по происхождению эта конструкция восходит к родительному с предлогом *у*, имеющему пространственное значение и указывающему на предмет, вблизи которого совершается действие или находится другой предмет [7, с. 34]. На тесную связь категории посессивности с локативными конструкциями обращали внимание многие отечественные и зарубежные исследователи [3, с. 574–577; 5, с. 4–5]. Притяжательные местоимения, в отличие от родительного принадлежности с предлогом *у*, передают значение обладания в более абстрагированном виде. В современном языке притяжательные местоимения используются, как правило, в тех случаях, когда сам факт обладания не так важен или когда он является неоспоримой данностью (ср. *у меня есть дом* и *мой дом*). Закономерно встает вопрос: какова была и была ли семантическая и функциональная дифференциация родительного

принадлежности с предлогом *у* и притяжательных местоимений в древнерусском языке?

В остальных случаях употребления БЫТЬ-конструкций расхождения в разных списках анализируемого памятника не наблюдается. За исключением нескольких случаев замены предлога *у* на предлог *в*: **а се оу тобе есть итларевичь** (Лаврентьевский список) - **а се в тобе есть итларевичь** (рукопись Московской духовной академии) [6, 228]; **а мстивловъ затвориса в грѣдѣ с засадаю иже бѣша оу него берестыгане пинане въгошевеци** (Лаврентьевский список) - ... **иже бѣша в него берестыгане пинане въгошевеци** (рукопись Московской духовной академии) [6, с. 271]. Но такие замены связаны скорее с фонетическими процессами, конструкция здесь не меняется.

В отношении субъектов и объектов посессии отмеченных БЫТЬ-конструкций можно сказать следующее. Субъект почти всегда (31 случай) является одушевленным и выражается местоимением или именем существительным, обозначающим лицо: **суть оу него сынове разумиви ѡзыкѣ словѣньскѣ** [6, с. 26]; и **бѣ оу тарослава кормилецъ и воевода именемъ бѣды** [6, с. 143]. Объект посессивных отношений в 59% случаев (18 конструкций) является также одушевленным: **варъзи бѣхѣ мнози оу тарослава** [6, с. 140]. В 41% случаев (12 конструкций) объект является неодушевленным: **и единая харатъга есть оу царства нашего** [6, с. 52]. Больше половины отмеченных БЫТЬ-конструкций (72%, 23 конструкции) представляют собой ту или иную разновидность «семиопоссиденции». Посессивные отношения осложняются: 1) качественными характеристиками субъекта (**и бѣ оу него сынъ красенъ лицомъ и душею** [6, с. 82]); 2) локализацией в пространстве или времени (**в се время бѣше оу него борисъ** [6, с. 130]) 3) актуализацией количественного определения объекта (**видиши колько воинъ ѹ братъ твоего** [6, с. 77]);

Таким образом, мы видим, что БЫТЬ-конструкции, несмотря на их относительно небольшое количество в памятнике по сравнению с ИМЕТЬ-конструкциями, могли передавать достаточно широкий и разнообразный спектр посессивных отношений. При этом почти стопроцентное преобладание одушевленных субъектов говорит о том, что, видимо, в древнерусском языковом сознании посессивные отношения воспринимались в первую очередь как отношения между человеком – субъектом посессии – и чем-то или кем-то, входящим в его сферу как объект посессии, то есть тем, чем человек обла-

дает и может распоряжаться по своему усмотрению. Единичные, но всё-таки встречающиеся случаи расхождения между разными списками «Повести временных лет» могут говорить о том, что окончательная дифференциация разных способов выражения посессивных отношений во время создания списков еще не произошла, поэтому возможны варианты при передаче одной и той же посессивной ситуации. Однако это предположение требует еще подтверждения анализом других памятников древнерусской письменности разной стилевой и временной отнесенности.

Список литературы

1. Цейтлин С.Н. Семантическая категория посессивности в русском языке и её освоение ребёнком // Семантические категории в детской речи: сборник. СПб.: Нестор-история, 2007. С. 201–219.

2. Милованова М.В. Вербализация категории посессивности в семантике языковых единиц: прото-

типические конструкции с глаголом *иметь* // *Croatika et Slavica Iadertina*. Zadar, 2009. С. 251–264.

3. Селивёрстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания // Селивёрстова О.Н. Труды по семантике. М., 2004. С. 557–718.

4. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 229 с.

5. Herslund M., Baron I. Introduction: Dimensions of possession // In: *Dimensions of possession*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1984. P. 1–27.

6. Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л.: АН СССР, 1926. 286 с.

7. Собинникова В.И. Родительный принадлежности с предлогом у в восточнославянских языках // Славянский сборник. II вып., филологический. Воронеж, 1958. С. 33–46.

8. Mrazek P. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Brno: Univerzita J.E. Purkině v Brně, 1900. 149 с.

THE FUNCTIONING OF POSSESSIVE BE-CONSTRUCTIONS IN DIFFERENT COPIES OF THE PRIMARY CHRONICLE

A.V. Kalistratova

The article examines the structure and functioning of predicative possessive BE-constructions in different copies of the Primary Chronicle (Laurentian Chronicle, Radzivil Chronicle, Trinity Chronicle, the manuscript of the Moscow Theological Academy). We also try to identify specific features of usage of BE-constructions in the text analyzed in this study.

Keywords: category of possession, possessive relationships, HAVE-construction, BE-construction, Old Russian language, Primary Chronicle.

References

1. Cejtin S.N. Semantičeskaja kategorija posesivnosti v ruskom jazyke i ejo osvoenie rebnikom // Semantičeskije kategorii v detskoj reči: sbornik. SPb.: Nestor-istorija, 2007. S. 201–219.

2. Milovanova M.V. Verbalizacija kategorii posesivnosti v semantike jazykovyh edinic: prototipičeskie konstrukcii s glagolom imet' // *Croatika et Slavica Iadertina*. Zadar, 2009. С. 251–264.

3. Selivjorstova O.N. Kontrastivnaja sintaksičeskaja semantika. Opyt opisanija // Selivjorstova O.N. Trudy po semantike. M., 2004. S. 557–718.

4. Teorija funkcional'noj grammatiki. Lokativnost'. Bytijnost'. Possessivnost'. Obuslovlennost' / otv. red. A.V. Bondarko. SPb.: Nauka, 1996. 229 s.

5. Herslund M., Baron I. Introduction: Dimensions of possession // In: *Dimensions of possession*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1984. P. 1–27.

6. Povest' vremennyh let // Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1. L.: AN SSSR, 1926. 286 s.

7. Sobinnikova V.I. Roditel'nyj prinadležnosti s predlogom u v vostočnoslavjanskijh jazykah // Slavjanskij sbornik. II vyp., filologičeskij, Voronežh, 1958. S. 33–46.

8. Mrazek R. Sravnitel'nyj sintaksis slavjanskijh literaturnyh jazykov. Ishodnye struktury prostogo predloženija. Brno: Univerzita J.E. Purkině v Brně, 1900. 149 s.